

ПРОБЛЕМНОСТЬ ПОНЯТИЯ ЗВУКОВОГО ЗАКОНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИТИКОВ МЛАДОГРАММАТИЗМА

© Рахимбирдиева И.М.*

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань

Статья посвящена проблеме определения критериев критики понятия звукового закона, имевшего место в конце XIX – в начале XX веков.

В ходе исследования автор определил, что звуковые законы подвергались критике, поскольку не соответствовали основному критерию научного закона: универсальность – неуниверсальность. Также было установлено, что данное понятие обнажило проблему методологического статуса научного закона в лингвистике.

Ключевые слова: закон, звуковой закон, критика, младограмматизм, универсальность, метафоричность, эмпиричность.

Обновление науки в XX веке, и как следствие – переосмысление основ научного познания, а также актуализация проблемы понятия закона в науке дают нам право вернуться к проблеме понятия звукового закона в лингвистике. Целью этой проблематизации является современная интерпретация данного понятия, а также попытка ответить на вопросы, имеет ли право понятие закона на существование в лингвистике и каковы критерии данного понятия. Для получения ответов необходимо проанализировать все аспекты данной проблемы, в том числе и критерии критики понятия звукового закона в период младограмматизма.

Итак, в последнюю треть XIX века в лингвистике оформляется новое направление, получившее название младограмматизма, которое распространилось по всему миру и оказало огромное влияние на все последующее языкознание. Основные положения данного течения были сформулированы Г. Остгофом и К. Бругманом в предисловии к «Морфологическим исследованиям в области индоевропейских языков», которые звучали следующим образом:

1. фонетические законы, действующие в языке, не имеют исключений (исключения возникают в результате перекрещивающихся законов или вызываются другими факторами);
2. очень важную роль в процессе создания новых языковых форм и вообще в фонетико-морфологических изменениях играет аналогия;
3. в первую очередь необходимо исследовать современные живые языки и их диалекты, ибо они (в отличие от древних языков и литературного языка, созданного под контролем человека) могут служить

* Доцент кафедры «Иностранные языки в гуманитарном и естественнонаучном образовании», кандидат филологических наук.

базой для установления лингвистических и психологических закономерностей [1].

Однако в начале XX века поднимается волна ожесточенной критики младограмматизма. Присущие классическому младограмматизму слабые стороны обусловили стремление или усовершенствовать младограмматическую технику лингвистического описания, или выдвинуть в противовес младограмматизму альтернативные исследовательские программы. К этому периоду относится создание новых лингвистических школ, находящихся в резкой оппозиции к младограмматизму. Сюда относится школа «слов и вещей», школа эстетического идеализма и оформившаяся несколько позднее так называемая неолингвистика. Появились оригинальные языковеды, для которых положения младограмматиков оказались догмами, мешавшими развивать языкознание. К таким ученым следует отнести Г. Шухардта, А.А. Потебню, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, О. Есперсена, Ж. Жильерона, К. Фосслера, А. Мейе, М. Бартоли, Д. Бертони, В. Пизани, Д. Бонфанте, Л. Блумфилда.

Младограмматическое направление в лингвистике начало подвергаться критике еще в тот период, когда оно было господствующим в языкознании. Эта критика вначале шла изнутри самого направления. Объектом критики явились теоретические положения младограмматиков, такие как недооценка теории и философии языка, широких теоретических обобщений; стремление ограничиться только индуктивным подходом и эмпирическими обобщениями; фактически несостоятельное индивидуально-психологическое понимание языка, приводившего к отрицанию реальности общего для данного народа языка, к объявлению общего языка научной фикцией; ограничение внутренней историей языка и недооценка связей истории языка с историей общества; атомизм, проявившийся в недостаточном учете системной взаимообусловленности языковых явлений; невнимание к проблемам диалектного членения праязыка и вообще индоевропейских древностей; пренебрежительное отношение к описанию языка в более существенном для говорящего человека синхронном плане; и, наконец, декларация звуковых законов в языке.

Остановимся более подробно на критике младограмматических звуковых законов. Бодуэн де Куртенэ, Соссюр, Шухардт и Блумфилд выступали против употребления самого понятия «закон» применительно к фонетическим изменениям. Так, Ф. де Соссюр пишет, что для лингвистики было бы величайшим благодеянием избавиться от понятия «закон» [2]. Бодуэн де Куртенэ писал, что «нет никаких «звуковых законов»» [3] и что «понятие «звуковых законов» должно быть окончательно отброшено языкознанием» [цит. по: 4]. Блумфилд называл их «опасной метафорой». Как видно из данных высказываний, одним из критериев определения фонетического закона как закона было его соответствие-несоответствие общепринятым канонам научного закона. Не вызывает сомнений, что для лингвистов конца XIX – начала XX веков понятие научного закона вообще являлось понятным и беспроблемным, проблемой же была его применимость в языкознании.

Для того чтобы понять, что вкладывали научные умы XIX века в понятие закон, целесообразно рассмотреть данное понятие в диахронии. Само понятие закона зародилось не в науке. В Античности закон обозначал свод юридических правил, которые предписывались человеку полиса. В работах античных философов-материалистов закон мог метафорически выражать закономерные связи между явлениями человеческого мира [5]. И только со становлением естественной науки постепенно стало формироваться понятие «закон природы» в современном значении. Однако, в XVI-XVII веках, когда понятие закона еще не стало всеобщим, часто использовали другие термины: например, Коперник и Кеплер говорили о гипотезах, Галилей, используя математические термины, говорил об аксиомах и теоремах. И только у Декарта и Ньютона появляется понятие природного закона в научном контексте. Ньютон различает правило, как чисто методологический принцип исследования, и закон, как норму, господствующую в явлениях природы. Главным фактором у Ньютона для введения нового понятия было желание разграничить «аксиомы», как принцип только лишь абстрактного значения и чисто математического объяснения, и те положения, которым приписывалась объективная действительность природы. Однако это ограничение не сохранилось. Определение «закон природы» (*lex naturalis*), сбросив с себя признаки природы, постепенно распространилось на все возможные области, где возможно было установить общепринятые регулярности.

Как видно, понятие закона пришло в науку метафорически, будучи заимствованным из норм общественного порядка. Но тогда возникает вопрос: если общественные законы человечество само устанавливало для создания и регулирования общественных порядков, то кто или что устанавливало законы природы, по мнению средневековых ученых? Как пишет Вундт, у Декарта законы природы – это правила, которые формулируются не из наблюдения природы, а из созерцания в ней божественных свойств. Правилами они называются, поскольку они узнаваемы и лежат в основе объяснений явлений; законами – поскольку их Бог первоначально вложил в материю, когда он определял свойства этой материи. Таким образом, по Декарту, «законодателем» является Бог [6]. Лейбниц говорил, что «все явления происходят по механическим законам со строгой необходимостью, сами механические законы, однако, должны исходить из целей» [цит. по: 6]. Эти цели, согласно Лейбницу, являются целями божественного миропорядка, где непосредственно связаны естественный и нравственный миры, законы природы с законами морали: все это – результат божественной воли. Ньютон в своей натурфилософии немного отошел от теологических соображений, однако при том религиозном сознании, которое было присуще великим естествоиспытателям Средневековья и Возрождения, не возникает сомнений, что он в своих «*leges naturae*» также думал о божественной воле как о самом высшем законодателе.

В XVII веке, в эпоху своего становления, наука «отказывается» от Бога, но, несмотря на это, понятие закона природы сохраняется. Но теперь природа сама себе вменяет законы. Так, Щедровицкий говорил, что «наука и законы природы понадобились людям для того, чтобы заменить Бога и апелляцию к Богу» [7]. Однако, если задуматься, то получается, что «Бог» никуда не ушел из науки XVII века, просто он стал теперь называться «Природой». Окончательно изгнал «Бога» из науки Кант в XVIII веке в своей «Критике чистого разума». При этом понятие закона было сохранено.

К XIX веку понятие научного закона сформировалось как устойчивое, серьезное, лишенное богословской импликации понятие. И уже никто не думал теперь, что понятие закона является продолжением богоизъяснения. Теперь считалось, что закон – универсальное понятие и распространяется на все области познания. Было принято думать, что чем более общим является теоретическое знание, тем оно важнее, тем оно «научнее». И «научность» науки определялась наличием естественных законов в ней. Каждая наука XIX века стремилась устанавливать законы и на их основе описывать и объяснять изучаемые явления. И понятие научного закона точно соответствует этому идеалу науки.

Следует также отметить, что в конце XIX века В. Виндельбанд и Г. Рикерт выдвинули идею о том, что наряду с генерализующими (номотетическими) науками, имеющими своей задачей открытие научных законов, существуют индивидуализирующие (идеографические) науки, не формулирующие никаких собственных законов, а представляющие исследуемые объекты в их единственности и неповторимости, то есть происходит разграничение наук о природе, где требованием к объективному знанию так и остаются научные законы, и наук о человеке, где научные законы покидают свои значимые позиции.

Таким образом, критики звуковых законов, имевшие точное и неоспоримое представление о понятии научного закона, не могли примириться с эмпирическими законами в лингвистике – науке о языке, как гуманитарной науке. При этом никто из них не отрицал самих фактов звуковых регулярностей, которые действительно походили на явления в естественной науке. Однако прямолинейность младограмматиков, их верность данному понятию впервые обозначила проблемность понятия закона в науке. Данное понятие критики понимали метафорически. Однако же эта метафоричность звуковых законов была неполной, а звуковые законы как таковые при этом не соответствовали полностью канонам научного закона. При этом следует отметить, что критики допускали законы в гуманитарных науках, сформулированные метафорически: не научные законы в чистом понимании, а «законы» в переносном значении. Так, Бодуэн де Куртенэ, отрицая «фонетические законы», вовсе не отрицал закономерности в языке. Он писал: «Причислять язык к «организмам», языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза,

без фактической подкладки... Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами» [3]. Говоря о принципиальном отличии языкознания от естественных наук, заключающееся в том, что в основе ее лежат индивидуальная психология и социология, он в то же время считал, что языкознание, как и другие науки о человеке, должно стать точной математизированной наукой. Таким образом, языковые законы, согласно Бодуэну, психичны и социальны: «Язык существует и изменяется не произвольно, не благодаря какому-то капризу, но по постоянным законам – не по «звуковым законам», ибо таковых в языке не существует и не может существовать, но по законам психическим и социологическим» [цит. по: 4]. Для Бодуэна де Куртенэ реальное существование имеет не звуковой язык, а язык как явление психическое, как совокупность представлений. Отсюда он заключает: «То, что не существует, что представляет собой лишь проходящее явление, так сказать, лишь знак того, что существует, – то не может ни изменяться, ни развиваться. Ни звук, ни состоящее из звуков слово не могут фонетически развиваться». И далее: «Невозможно показать те связи и причинные отношения, касающиеся звуков языка, которые могли бы быть объединены понятием «закона». Таким образом, понятие «фонетического закона» следует заменить следующими понятиями: 1) законы психики в индивидуальных душах, то есть законы психического существования и психической метаморфозы; 2) законы путей, по которым происходит социальное общение людей, законы манифестации языковых представлений через посредство органического и физического миров» [3]. Кроме того, он различает: 1) психические «законы» ассоциаций, перцепции и апперцепции, эмоций и т.д.; 2) законы физиологические (рефлекторные движения, механические комбинации в организме); 3) законы физического мира (фонетические законы акустики, законы механики, оптики и т.д.) [3]. Бодуэн де Куртенэ также различает статические и динамические законы, или законы, действующие в языке в определенное время, и законы, действующие в развитии языков [3].

Соссюр Ф. де, в отличие от Бодуэна де Куртенэ, рассматривал язык в социологическом аспекте, а значит, по Соссюру, в языке, как и в социологии, не может быть законов. Так, рассматривая понятие «закон» в научном смысле, он отмечал, что «поскольку, например, всегда происходили и будут происходить фонетические изменения, постольку можно рассматривать эти явления вообще как одно из постоянных свойств языка – это, таким образом, один из его законов. Но это лишь общие принципы, не зависимые от конкретных фактов; в отношении же частных и осязаемых фактов никакой панхронической точки зрения быть не может. Так, всякое фонетическое изменение, каково бы ни было его распространение, всегда ограничено определенным временем и определенной территорией; оно отнюдь не простирается на все времена и все местности, оно существует лишь диахронически» [8]. Вообще,

допуская в языке законы, он ориентировался лишь на общественные законы, которые обладают двумя основными признаками: такие законы являются императивными и всеобщими. Такие законы, по Соссюру, обязательны для всех, и они распространяются на все случаи, в определенных временных и пространственных границах [8]. Таким образом, он рассматривал законы языка через призму дихотомии синхрония-диахрония. По этому поводу он писал, что «синхронный закон – общий закон, но не императивный; попросту отображая порядок вещей, он только констатирует некое состояние: он является законом постольку же, поскольку законом может быть названо, например, утверждение, что в данном фруктовом саду деревья посажены косыми рядами. Отображаемый им порядок вещей непрочен, как раз потому, что этот порядок не императивен» [8]. При этом он утверждает, что отсутствие императивности означает, что в языке нет никакой силы, гарантирующей сохранение регулярности, установившейся в каком-либо пункте. Диахрония же, по Соссюру, предполагает, напротив, динамический фактор, приводящий к определенному результату, производящий определенное действие. Но этого императивного характера, считает он, недостаточно для применения понятия закона к фактам эволюции языка. «О законе можно говорить лишь тогда, – пишет он, – когда целая совокупность явлений подчиняется единому правилу, а диахронические события всегда в действительности носят случайный и частный характер, несмотря на видимые исключения из этого» [8].

Как видно, эмпиричность звуковых законов не позволяла критикам принять их чисто метафорически, но и чисто естественнонаучными их нельзя было рассматривать, поскольку звуковые законы имели пространственные и хронологические ограничения. Таким образом, звуковые законы не были универсальными с точки зрения ученых конца XIX века.

Так, Х. Шухардт в своей статье «О фонетических законах» выражает «резко отрицательное отношение» к принципу непреложности фонетических законов [9]. Он утверждает, что когда естествоиспытатель впервые слышит о непреложности фонетических законов, он представляет себе эти законы как действующие везде и всегда, так как при одинаковых условиях речевой деятельности таковые не только возможно, но и следует ожидать [9]. Что касается временного ограничения звуковых законов, Шухардт пишет, что всякая стадия в истории языка является переходной стадией, и, следовательно, каждая из них так же правомерна, как и любая другая; то, что действительно в отношении целого, действительно и в отношении частного. Как следствие язык невозможно представить как сосуществование сложившихся и не сложившихся фонетических законов [9].

На первый взгляд позиция Шухардта кажется вполне оправданной. Если мы рассмотрим дифтонгизацию узких долгих и расширение дифтонгов в новонемецком языке, то мы знаем, что в литературном немецком языке эти два процесса привели к одному результату: к появлению дифтонгов *ei* [ae],

au [au], eu [oe]. Другими словами, в данных дифтонгах смешались звуки разного происхождения, например, дифтонг ei [ae] < ī: Eis < īs и ei [ae] < ei [ei]: breit [braet] < breit [breit]; или дифтонг au [au] < ū: Haus < hūs и au [au] < ou [ou]: Baum < boum. Однако, также известен тот факт, что в некоторых диалектах эти звуки до сих пор различаются, причем в нижненемецком и средненемецком [ei] и [ou] обычно монофтонгизируются в долгие гласные (в нижненемецком ei > ē, ou > ō, в средненемецком ei > ē или ā, ou > ō или ā), а в южнонемецком они частично сохраняются как дифтонги, например: швабский [ei > oe], [ou > ao], баварский [ei > oa], [ou > ā]. Так, например, Eis – breit, Haus – Auge: в нижненемецком īs – brēd, hūs – ōye; в средненемецком ais – brād или brēd, haus – āg(e) или ōg(e); в швабском ais – broet, hāus – aog; в баварском ais – broat, haus – āg.

Как мы видим из примера, временное ограничение нередко бывает тесно связано с пространственным ограничением. И как утверждали младограмматики, для достижения одинакового результата при фонетических изменениях необходимы одинаковые фонетические условия. Именно эти «одинаковые фонетические условия» вызывали множество вопросов у критиков. Так, Шухардт, призывая представить себе несколько слов с одним и тем же звуком, спрашивал, в каких из этих слов налицо равные фонетические условия, которые должны привести к одинаковым результатам, например, к закреплению или изменению этого звука. Очевидно, что на данный вопрос не существует ответа, поскольку в каждом отдельном случае существует особый комплекс условий (ударение, положение слова, качество непосредственно следующего, предшествующего или отстоящего через слог звука и т.п.), при сравнении которых оказывалось бы, что каждый из них отличается от других [9]. Бодуэн де Куртенэ, в свою очередь, признавал необходимость, безысключительность и абсолютную обусловленность, он также признавал как регулярность и необходимость абсолютно идентичных изменений, так и отсутствие абсолютно идентичных изменений при абсолютно идентичных условиях. Но в то же время он напоминал о том, что «в объекте наших наблюдений, в жизни языка, существуют чрезвычайно сложные условия, что мы имеем дело со множеством наиразличнейших комбинаций, что мы должны принимать ряд условий, непосредственно действующих и в индивидуумах и в процессах социального общения, условий, включающих в себя также и общение индивидуума с самим собой. Мы должны также помнить, что абсолютное тождество условий представляет собою крайне редкий случай» [3].

Острой критике подверглось также выражение «один и тот же диалект» в тезисе «звуковые законы не знают исключений внутри одного и того же диалекта». Младограмматики понимали «диалект» как некое совершенно однородное единство. С этим категорически были не согласны Шухардт и Бодуэн де Куртенэ. Так Бодуэн де Куртенэ говорил, что «единообразие и чистота языка представляют собой лишь фикцию и предрассудок. Язык не

родился внезапно, как родилась Минерва из головы Юпитера, но он создавался и непрерывно создается у каждого говорящего индивида путем смешения и скрещивания множества различных автоматизированных представлений и навыков» [3]. Он различал индивидуальный язык и средний язык. Проблемой младограмматиков он считал то, что они смешивали эти понятия, что препятствовало отчетливому пониманию языковых отношений, в частности, проблемы «фонетических законов» [3]. По его мнению, именно «игнорирование «младограмматиками» того факта, что общее абстрактное понятие этнического и национального языка растворяются во множественности индивидуумов, во множественности реально существующих миров, говорящих и слушающих, посредником между которыми является внешний мир» послужило причиной возникновения оппозиции и причиной критики этих взглядов [3].

Позиция критиков по отношению к понятию диалекта и языка как объектов языкознания понятна. Однако, если мы рассмотрим объекты исследования в естественных науках, то мы увидим, что ученые имеют дело с идеальными объектами, а не с реальными. Отсюда следует, что дифтонгизация узких монофтонгов и расширение дифтонгов в новонемецком языке имеют право на статус звукового закона, поскольку данный процесс характерен для «идеального» немецкого языка, среднего языка по Бодуэну де Куртене. И мы согласны с В.П. Литвиновым, который говорил, что «понятие – не зеркало объекта, а инструмент мышления. Не надо запрашивать натуральных фактов объективного языка и объективного диалекта, надо использовать понятие таким образом, чтобы приходиться к наилучшему порядку данных...» [10].

Существует еще одна точка зрения относительно звуковых изменений, которая также отрицает законообразность этих изменений. Так, Ф. де Соссюр утверждает, что любое звуковое изменение – это многообразное проявление одного и того же отдельного факта, то есть в данный момент, в данной области все слова, представляющие одну и ту же звуковую особенность, подвергаются одному и тому же изменению [8]. Таким образом, Ф. де Соссюр считает, что фонетические изменения затрагивают только звуки, а не слова. Изменению подвергается определенная фонема. Он утверждает, что сами слова непосредственно не участвуют в фонетических изменениях, ссылаясь на то, что такие изменения происходят фактически независимо от слов и не могут затронуть их в их сущности [8].

Как видно, критика звуковых законов была довольно жесткой и бескомпромиссной и продолжалась еще в первую треть XX века, что привело к тому, что многие лингвисты того времени стали избегать употребления данного понятия в своих исследованиях, заменяя его понятием «звуковые регулярности», или же, употребляя понятие «закон», добавляли выражение «так называемые» и брали это слово в кавычки. Однако же примечательно и то, что критикам не удалось окончательно изгнать звуковые законы из лингвистики,

поскольку закон Гримма, закон Вернера и прочие исторически утвердившиеся законы остались и официально назывались «законами». Очевидно, что проблема осталась актуальной и судьба данного понятия не была решена.

Список литературы:

1. Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Text] / H. Osthoff, K. Brugmann. – Leipzig, 1878. – S. XIII-XVIII.
2. Соссюр Ф. де Заметки об общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. – С. 125.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по языкознанию [текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1968. – 391 с.
4. Шарадзенидзе Т.С. Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и ее место языкознании XIX-XX веков [Текст] / Т.С. Шарадзенидзе. – М.: Наука, 1980. – С. 80-81.
5. Klaus G., Buhr M. Philosophisches Wörterbuch [Text] / G. Klaus, M. Buhr. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1966. – S. 220.
6. Wundt W. Wer ist der Gesetzgeber der Naturgesetze? [Text] / W. Wundt // Philosophische Studien. Bd. 3 – Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1886. – S. 493-496.
7. Щедровицкий Г.П. Организация. Руководство. Управление. Оргуправленческое мышление [Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во «Путь», 2000. – С. 98.
8. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию [текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 124-127.
9. Шухардт Г. О фонетических законах [Текст] / Г. Шухардт // Избранные труды по языкознанию – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – С. 23-55.
10. Литвинов В.П. Принципиальные понятия для истории языка [Текст] / В.П. Литвинов // Текст, речь, коммуникация. Вып. IV – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. – С. 50-58.